

Всё, что меня не убило...

Автор:

Анна Дашевская

Всё, что меня не убило...

Анна Дашевская

Катерина Михайловна Каретникова жила той жизнью, которую заслужила. Любимая работа, неплохая зарплата, загородный дом, в котором можно просыпаться ночью и слушать тишину, друзья, соседи... Всё изменилось, когда в собственном подвале, пойдя за банкой варенья, она обнаружила дверь. Дверь, которой раньше не было. Дверь в стене, за которой нет ничего, кроме земли. Дверь, ведущую в никуда? А если есть дверь, то рано или поздно она откроется. Что решит доктор Каретникова, когда её попросят о помощи те, кто окажется на пороге?

Всё, что меня не убило, сильно об этом пожалеет, потому что теперь моя очередь...

Глава 1

Мигрень, как обычно, подкралась незаметно на мягких лапах. Вот только что, стоя в бесконечной пробке, я нажимала на кнопки радио и пыталась найти не слишком противную музыку, и вдруг... Голову словно закрыло толстым одеялом, звуки отдалились, но при этом каждый, казалось, вонзался прямо в правый висок. Когда встречная машина чиркнула по глазам дальним светом, у меня даже слёзы полились.

– Так жить нельзя, – пробормотала я, – надо удавиться. Права была Каштанка.

Приткнула машину у тротуара – слава богу, здесь, далеко за пределами Садового кольца, хотя бы не нужно было оплачивать парковку! – и, щурясь и смахивая слёзы, вызвала «трезвого водителя».

Полчаса ожидания я провела с головой, напоминающей раскалённый колокол. Разрекламированная таблетка от мигрени («пятнадцать минут, и вы забудете о головной боли!») нисколько не помогала, нужно было просто отлежаться в тёмной комнате.

Ещё час дороги, и home, sweet home! Родная спальня, задёрнутые шторы, приоткрытая створка окна, выходящего в заснеженный сад, прохладное махровое полотенце, смоченное холодной водой, с завернутыми в него кусочками льда...

– Надо телефон вырубить, – приказала я самой себе, уже проваливаясь в сон.

И, конечно, не выключила.

Разбудил меня звонок. Минуту полежала, привыкая к ощущениям: в спальне темно и прохладно, за окном тихо, только где-то на дальнем краю посёлка лает басом собака. Голова ещё не прошла, но это уже не мигрень, а просто головная боль, можно терпеть. Телефон заткнулся, и очень хорошо: с сегодняшнего дня я, Екатерина Михайловна Каретникова, заведующая кафедрой травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии при знаменитой московской больнице, доктор наук, профессор и прочая, в отпуске. В от-пус-ке! Всем коллегам, подчинённым, студентам, пациентам и диссертантам сообщила, что улетаю в горы, wifi будет лимитированный, так что ждите через месяц и управляйтесь сами.

Месяц свободы...

Я мечтательно зажмурилась.

Можно будет недельку провести не вылезая из кровати, разве что за едой, потом и в самом деле улететь на пару недель куда-нибудь, где горы, много снега и мало народу, ну, а последнюю неделю не планировать вообще. Потому что я каждый день вижу, как самые лучшие планы разрушаются некомпетентностью, глупостью или сознательным противодействием.

Айфон снова заиграл нехитрую мелодию, и я, приподнявшись на локте, взглянула на экран. Взглянула – и рухнула на подушки со стоном:

– Антон! Иди к чёрту. Не хочу с тобой разговаривать.

Бывший муж идти никуда не пожелал и продолжал с периодичностью в пять минут перезванивать. На восьмой раз не выдержала и со злостью ткнула пальцем в экран.

– Катя, мне нужна твоя помощь! – сообщил приятный мужской голос.

– Десять лет и две жены назад. Я тебе никто. И ты мне тоже.

– Ты близкий мне человек, – убедительно сказал он. – И мне в самом деле нужна твоя помощь. Очень.

Записав фамилию, возраст и предполагаемый диагноз того, чьё здоровье так волновало Антона, я отключилась, ещё раз выругалась, нашла координаты заведующего отделением проктологии, которому можно было передать пациента...

В общем, пришлось проснуться и вставать.

Вот уже пятый год я жила не в московской квартире, пыльной, тесной и пропахшей соседскими кошками, а в ближнем Подмосковье. Десять километров от МКАД, полчаса до клиники на машине – и можно спать, не ожидая в пять утра воя сирены «скорой» или грохота мусоровоза под окном. Конечно, вот сейчас зима снежная, и для того, чтобы утром выехать из ворот, приходилось поработать лопатой, но я слегка приплачивала поселковому сторожу, и к моему возвращению дорожка уже была расчищена. Убирать дом дважды в неделю

приходила соседка Лидия Николаевна, она же, ругая совершенно не хозяйственную хозяйку, собирала смородину, яблоки и малину, варила варенье и солила привезённые с рынка огурцы и помидоры.

– Вот кстати! – сказала я вслух сама себе, почувствовав, как рот наполняется слюной. – Маринованный помидор! Вот чего душа просит!

Банка с маринадом стояла в холодильнике, и половина её содержимого перекочевала в хрустальную салатницу. Потом я отрезала пару кусков бородинского хлеба, обжарила их на сливочном масле и присолила, положив сверху по ломтику сладкого красного лука. Наконец, достала дедову серебряную стопку, налила в неё водки и полюбовалась получившимся натюрмортом.

Водка упала куда следовало и разошлась по жилам теплом, лук был сладким и острым, а помидор умопомрачительно вкусным. Жизнь определённо налаживалась. Даже головная боль прошла совсем не оставив никаких последствий.

Заварив свежий чай, я снова прислушалась к себе и сказала:

– Варенье. Клубничное, пожалуй, да?

Увы, нигде в кухне варенья не оказалось, а чай без него уже казался горьким и пахнущим веником. Минут через десять плюнула, достала из ящика стола большой чуть поржавевший ключ и вышла в прихожую.

– Вот интересно, – бурчала я себе под нос, вставляя ключ в старинный замок. – Вот мне очень интересно, за каким чёртом надо запирать погреб в доме, где никто не бывает, кроме меня и Лидусика? Ящики письменного стола я на ключ не закрываю, а там, между прочим, документы лежат.

Замок, слегка скрипнув, открылся, и я потянула на себя тяжёлую дверь.

Выключатель справа под рукой, семь ступенек вниз, и вот они, сокровища Голконды! Справа – длинный стеллаж, на котором в строгом порядке стоят надписанные банки с огурцами, помидорами, «охотничьим салатом» и вареньями. Слева – ящик с картошкой, корзина с луком, небольшой стеллаж

для вина и в самом конце бочонок литров на двадцать – домашний бренди, подарок друзей из Армении на сорокапятилетие. Бочонок ждал своего часа уже четыре года...

Протянула руку к банке, прочитала надпись: «Яблоки с невежинской рябиной», поставила банку на место и взяла следующую. В этот момент лампочка над головой ярко вспыхнула, мигнула и погасла. Застыв на месте, я на ощупь сунула варенье обратно и протёрла глаза. Нет, не показалось: в дальней стене погреба и в самом деле тоненькой ниткой очерчивались светящиеся контуры двери.

В глухой дальней стене, за которой была только лишь земля, и ничего больше.

– Фиг вам, – сказала я. – Такого не бывает. Если это розыгрыш, то его авторы получают по шее. А если нет...

Нашупав в темноте лестницу, я взлетела по ней, словно белка, распахнула дверь в ярко освещённую кухню и остановилась. Ничего лишнего – стол, чашка, ложка, заварочный чайник, накрытый полотенцем... Чашка с розами, ложка серебряная, на полотенце красным вышиты петухи. Всё в порядке.

Сунув в задний карман джинсов телефон, я достала новую лампочку, нашла фонарик, проверила – работает! – и снова отправилась в погреб.

Заменённая лампа светила минуту, не больше, после чего повторила путь своей предшественницы, то есть, вспыхнула особенно ярко и погасла. Контуры двери никуда не делись, продолжали вычерчиваться тоненькой полоской света.

– Ладно, – сообщила я темноте. – Мы пойдём другим путём.

Однако фонарик, только что исправно работавший, зажечься не пожелал. Плюнув на всё, я сделала шесть шагов, подошла к стене и стала её ощупывать. Бетон. Бетон! Бетон!! Светящаяся ниточка утверждала, что дверь есть, но ведь не может она быть сделана из бетона?

Наверху раздались шаги, и голос соседки позвал:

– Катерина Михайловна, ты где?

– Иду! – крикнула я, схватила с полки первую попавшуюся банку и поднялась наверх. – За вареньем ходила, а там свет перегорел, и лампочек больше нет.

– Да как же...

– Лидусик, я завтра съезжу в «Перекрёсток» и куплю, всё равно много всего нужно. Пойдём чай пить...

Итак, на данный момент у меня две задачи, тактическая и стратегическая. Первое – максимально скрывать от Лидии Николаевны загадочную дверь, что, замечу, будет непросто, поскольку погреб она считает своей вотчиной. Второе – как можно скорее разведать, что это за явление, куда или откуда ход ведёт и как его закрыть. Да-да, вы не ослышались. Не открыть, а именно закрыть.

Почему?

Весь мой жизненный опыт показывал, что золотой дождь пролился на голову лишь Данае, остальным сыпались и продолжают сыпаться куда менее увлекательные субстанции. Кстати, золотой дождь тоже ничего особо хорошего девушке не принёс. Но это ладно, я о другом. Ни разу в жизни не приносили мне радости сюрпризы, «приятные неожиданности» и тому подобное.

Пример? Легко!

Некоторое время назад пригласил меня к себе заместитель главврача нашей клиники. В кресло усадил, чаю предложил, слов приятных наговорил. И предложил съездить по обмену на три месяца в госпиталь Веллингтона, в Лондоне, прочитать лекции для врачей отделения неотложной хирургии и скорой помощи.

В Лондон, по обмену, читать лекции! Ну сказка же, да?

С неплохой оплатой, между прочим. Кто бы отказался? Конечно, я поехала, отлично провела время в Альбионе, а когда вернулась, обнаружила, что в моём отделении уволили пятерых врачей и вместо них подписали договоры с двумя менеджерами.

Менеджерами, не имеющими даже начального медицинского образования, но хорошо знающими, как впаривать наши услуги за большие деньги!

Устроенный мною скандал дошёл до ушей главного и отчасти помог мне спустить пар, но пятерых лично мной воспитанных и обученных оперирующих хирургов я потеряла...

И это не единственный в моей биографии случай, так что к «дарам судьбы» я отношусь с подозрением априори. Загадочную дверь я с большим удовольствием замазала бы слоем самого лучшего цемента и ещё железными швеллерами укрепила.

Увы, не успела.

Проводив Лидию Николаевну, я зевнула, с сомнением посмотрела на вход в погреб и старательно заперла висячий замок, а потом ещё поставила впритык к двери ведро с водой. Можно считать это паранойей, но я не желаю никаких гостей в этом доме!

Изгнанная мигрень всё же сказывалась на общем состоянии, и спать хотелось невыносимо, так что я поднялась на второй этаж и легла, чтобы мгновенно уснуть.

Что меня разбудило, я поняла не сразу, с трудом вынырнув из глубины сна. Потом услышала снизу бряканье ведра и сдавленный мужской голос, произносящий что-то непонятное, но явно ругательное. «Что ж это за язык? – думала я, нащупывая под кроватью гантель. – Ни один из тех, которые я знаю...». В мягких тапочках, стараясь не шуметь, я спустилась по лестнице вниз и встала сбоку от двери, ведущей в прихожую. Теперь там звучал уже женский голос, и язык я снова не смогла угадать.

Получается, что дверь всё-таки открылась, замок никого не удержал, и непонятные визитёры проникли в мою крепость без единого выстрела.

Я набрала в грудь воздуха, словно перед прыжком в прорубь, рывком распахнула дверь и скомандовала:

– Руки вверх и не шевелитесь!

– Нос почесать можно? – ответил смеющийся голос мужчины.

Очень знакомый голос, а уж когда его обладатель повернулся ко мне лицом!.. Я пошатнулась и схватилась за стену, чтобы удержаться на ногах; гантель выпала из моей руки.

– Михаил? О господи, откуда ты взялся? Ты ж погиб там... на Камчатке?

– Ну, что ты, милая, – давний приятель шагнул вперёд и подхватил меня, не давая упасть. – Я жив, и я здесь. Ты не рада меня видеть?

– Прежде чем радоваться, я хотела бы знать подробности, – высвободившись из его рук, твёрдо сказала я. – И, кстати, начни с того, что познакомишь меня с твоей спутницей.

Слух подвёл меня: сопровождала его не женщина, а девочка-подросток, лет четырнадцати-пятнадцати от силы. Она смотрела на нас обоих с настороженностью и явно не понимала, что мы говорим.

– Хорошо, – сказал Михаил уже всерьёз. – Я действительно многое должен тебе рассказать и кое за что попросить прощения. Но ты права, прежде всего, нужно представить вас друг другу. Итак, это Анндаранэ ап'Векламиан Дарго, единственная наследница... ну, скажем так, короля страны, гражданством которой я с гордостью обладаю.

И тут же, без перехода, он повернулся к девочке и заговорил на том же самом, совершенно ни с чем не сопоставимом языке. Я разобрала лишь, что произнесено было моё имя.

С Михаилом Берестовым мы познакомились давно, совсем давно, прошло, наверное, лет двадцать пять. Мы с Антоном тогда впервые поехали кататься на горных лыжах в Приэльбрусье, очень быстро сбилась компания человек в пятнадцать, которая отлично проводила время: трасса, солнце и снег днём, домашнее вино и разговоры вечерами, и это восхитительное чувство свободы,

какое можно испытать только в горах...

Удивительным образом после отъезда с поляны Чегет компания эта сохранилась, и два раза в год более или менее тем же составом мы ездили кататься. Сперва это был тот же Чегет, потом пришла очередь Австрии, итальянских курортов, Франции...

Лет десять назад кто-то сообщил, что Берестов погиб где-то на Дальнем Востоке, вроде бы на Камчатке. Что именно и как случилось, никто не знал.

Но вот теперь этот самый покойник открыл несуществующую дверь в моём погребке и привёл через неё незнакомую девчонку, назвав ту принцессой.

В этот момент Михаил вытащил из кармана какую-то цепочку и протянул девочке. Та благодарно кивнула, застегнула замочек, и на её груди оказался небольшой кулон из аметиста, оправленного в серебро. Мило, скромно и очень по девичьи. Но почему сейчас?

Анндаранэ как-её-там приложила к кулону ладонь и что-то прошептала, после чего сказала, глядя прямо на меня:

– Доброй ночи, госпожа Каретникова, я счастлива с вами познакомиться, и прошу простить за визит без приглашения.

– Доброй ночи... – ответила я в некоторой растерянности.

Давний знакомец перехватил управление:

– Девочки, а давайте мы уйдём из прихожей, ты, Катя, напоишь нас чаем, и мы обо всём поговорим.

Н-да, как выясняется, кое-кому никакие запоры не помеха. Кстати, замок, ничуть не повреждённый, лежал рядом с дверью на скамеечке.

– Да-да, и об этом тоже поговорим, – кивнул Михаил, заметив, куда я смотрю.

На кухне я автоматически зажгла газ под чайником, достала хлеб, масло, сыр и отварной язык для бутербродов. Потом остановилась и спросила с некоторой растерянностью:

– Вы есть-то хотите?

– Я – да, – ответила девочка. – Очень хочу, спасибо.

– Не откажусь, – Михаил улыбнулся. – А давай я горячие бутерброды сделаю. Как тогда в горах, а?

– Делай! – махнув рукой, я показала ему, где искать разделочную доску и полезла за сковородой.

За чаем и бутербродами мы молчали, гости, по-видимому, потому что были голодны, я же прикидывала, как станут разворачиваться события, и всё больше озадачивалась.

Подвеска, которую девочка надела, после чего заговорила по-русски – это что, электронный переводчик? Ой, не смешите мои тапки! Даже если бы какую-нибудь плату или чип можно было вмонтировать в мозг, так мгновенно это бы не заработало. Но не могу же я, материалистка до мозга костей, признать, что на моих глазах кто-то воспользовался магическим переводчиком...

Ага, вот и прозвучало это самое слово, которое я старалась не произносить мысленно как можно дольше.

Магия.

Добавим к этому принцессу неизвестной страны с именем и фамилией, не похожими по звучанию ни на один известный мне язык, появление из запертого погребка вместе с этой самой принцессой моего старинного знакомого, десять лет считавшегося покойником... И что за варево в результате получается у нас в кастрюльке?

Отставив чашку, незваная гостья зевнула, деликатно прикрывая рот ладошкой.

– Простите, – сказала она. – Очень долгий был день...

– Давайте я уложу вас спать, – сказала я, решительно поднимаясь. – А завтра можно будет обо всём поговорить.

Девочке я постелила в свободной спальне и выдала чистую пижаму и новую зубную щётку. Судя по тому, что она не удивилась, как минимум гигиенические традиции у них такие же, что не может не радовать.

Когда я спустилась в кухню, Михаил сидел, откинув голову на спинку диванчика и закрыв глаза. Вид у него тоже был не слишком свежий.

– Тебе я постелила в кабинете, извини, ещё одной спальни нет.

– Я знаю, – слабо улыбнулся он. – Этот дом строили по моему проекту...

– Знаешь, тебе о многом придётся мне рассказать.

– Это точно. Утром отвечу на все вопросы, а сейчас, прости, сил нет.

По понятным причинам утро началось поздно. Господи, спасибо ещё раз, что у меня отпуск! Встать в шесть, чтобы к восьми приехать в отделение было бы совсем невыносимо...

Впрочем, мои (незванные) гости поднялись раньше меня; собственно, и разбудило меня шарканье лопаты под окном. Я выглянула и с удивлением увидела, что они вдвоём чистят дорожки от снега. Хм, а ведь вчера девочка была в платье, и ничего тёплого на ней не наблюдалось... А сейчас – вполне модная куртка, шапка с помпоном и джинсы.

Еще пару минут я полюбовалась их деятельностью (а кто не любит смотреть на спину работающего товарища?), а потом со вздохом отправилась умываться и одеваться.

С кухни потянуло запахом кофе. Ага, значит, гости как минимум нашли кофейную мельницу...

Оказалось, что не только мельницу. Завтрак был сервирован просто роскошно – французские гренки, мёд, варенье, фруктовый салат и, как венец разврата, – взбитые сливки.

– С ума сойти! – честно сказала я. – Сливки в доме точно не было, да и клубнику свежую я не припомню.

Гости переглянулись, и Михаил сказал:

– Катя, ну должна же быть от магии польза в хозяйстве?

– Конечно, должна, – согласилась я. – Должно быть, магия вообще вещь полезная, жаль, что я раньше об этом не знала. Сейчас я выпью кофе, и ты мне всё расскажешь.

Я отрезала кусочек гренки и попробовала.

– Просто отлично! – сказала честно. – Ровно так, как я люблю, и сладости в меру, и не раскисло, и корочка поджаристая.

– Вам правда понравилось, госпожа Каретникова? – расцвела в улыбке девочка. – Я первый раз в жизни готовила завтрак. Конечно, дядя Михаэль мне помогал...

– Советами, только советами!

Я отложила нож и вилку.

– Так. Один вопрос я предлагаю решить немедленно.

Они снова переглянулись. У меня почему-то возникло ощущение, что это был обмен не столько взглядами, сколько мыслями. Хотя... почему бы и нет? если магия существует, вполне может быть и чтение мыслей.

– Какой? – спросил Михаил настороженно.

– Если вы, юная леди, каждый раз будете называть меня по фамилии, сторонний наблюдатель удивится. А если кто-нибудь услышит, что я обращаюсь к вам «Ваше высочество», или как в вашей стране положено обращаться к наследнице?..

– Обращаться положено так же, как к любой женщине, прошедшей первое совершеннолетие. Кирэ. Но я вас понимаю... Что вы предлагаете?

– Ну, если Михаил – дядя, то я готова считаться тётей. Можно ко мне обращаться на «ты» и по имени, Катерина.

– С удовольствием, дорогая тётушка, – девочка вскочила, присела в реверансе и, обежав стол, чмокнула меня в щёку.

– Отлично. Тогда второй момент: если я каждый раз буду выговаривать имя «Анндаранэ», язык сломается. «Анни» пойдёт?

– Конечно.

Допив вторую чашку кофе, я посмотрела на Михаила. Он верно понял мой призыв и сказал:

– Пойдём в кабинет?

– А можно, в кабинет пойду я, посмотрю книги? – спросила принцесса. – Вам ведь всё равно, и в гостиной вполне удобно разговаривать, правда?

– Хорошо, – ответила я. – Крайний левый шкаф заперт, там справочники и редкие издания. Если что-то заинтересует, скажи.

– Итак, – начал Михаил, когда мы расположились в гостиной. – Как ты предпочтёшь, задавать вопросы или послушать, что я буду рассказывать.

– Рассказывай, – махнула я рукой. – А потом я задам вопросы.

Он усмехнулся:

– Ну, хорошо. Итак, для начала: полагаю, ты догадалась, что мы пришли из другого мира. Параллельного, как принято говорить у вас.

– Хорошо, что не перпендикулярного, – пробормотала я.

– Ну, в известной степени его можно считать и перпендикулярным. Мир у нас магический, поэтому многое отличается. Например, электричеством мы не пользуемся, поскольку в сочетании с магической энергией оно начинает вести себя непредсказуемо.

– То есть?

– То есть, может лампу зажечь, а может и взорваться вся сеть. После нескольких экспериментов и гибели двух учёных это дело прикрыли. Да, честно говоря, оно нам не особо и нужно – магические светильники дешевле и безопаснее электросетей, и никто не перегораживает реки для строительства гидростанций и не сжигает уголь. С двигателями внутреннего сгорания тоже не задалось, поскольку выяснилось, что использование огненных элементаров опять-таки дешевле и безопаснее.

– И воздух не портит, – добавила я зачем-то.

– И это тоже, – согласился мой гость. – Что еще?... Три материка, Аландаун, Альстрир и Анквелеган. Наше королевство называется Лантар, кроме нас на Альстрире еще два государства...

– Знаешь, это для меня сейчас не самое важное, – перебила я его. – В конце концов, я к вам туда не собираюсь. Лучше расскажи мне, почему ваша дверь открывается именно в моем подвале? И что означала твоя фраза «я сам этот дом проектировал»? И в магию я поверю только тогда, когда увижу её своими глазами, – зачем-то добавила я.

Михаил хмыкнул.

– Ну, проще всего последнее, в смысле – показать тебе магию. Конечно, тут совсем другой фон, но кое-что сделать возможно... – внезапно он исчез из кресла и появился в коридоре, перед распахнутой дверью.

– Это что?

– Простейший портал. Переместиться в пространстве может только достаточно сильный маг, с уровнем не ниже пятнадцатого, и только в ту точку, которую видит. Или в ту, которую очень хорошо знает.

– Да-да, или к точке должна быть сделана привязка, или нужен стационарный портал с рассчитанными пунктами выходов. Я тоже читаю фантастику.

– Ну, вот, – Михаил развёл руками; глаза его смеялись. – Ты всё знаешь лучше меня! Ладно, тогда вот...

Он сжал правый кулак, потом резко разжал его, и в его руке оказалась бутылка шотландского виски, да ещё и моего любимого сорта.

– Впечатляет. Настоящий?

– Можешь попробовать! Что касается дома... Ты купила его пять лет назад, так?

– Верно.

– Ситуация такая... – Он потёр нос, задумавшись. – Дело в том, что наш мир является как бы перекрёстком, где сходятся дороги из примерно десятка различных миров. Два или три там ненаселённых, просто неподходящие для жизни. Три магических, и один из них пришлось заблокировать. Остальные – вроде этого, технические цивилизации. Как ты понимаешь, переход из нашего мира в соседний возможен только в определённых местах. Мы стараемся защитить такую точку от любопытных, от несанкционированного доступа и так далее. Вот здесь лет сорок назад был построен дом, и в доме поселился человек, знающий в чём дело.

– Я покупала его у наследников... – медленно сказала я. – И они очень торопились с продажей.

– Вот именно. Когда мы узнали, что Валентина Андреевна умерла, было уже поздно. Ты стала собственницей точки перехода.

– Она не умерла. Ты разве не знаешь? На неё напали возле станции. Пытались отобрать сумку, а она так вцепилась, что даже у мёртвой не смогли вытащить из пальцев. Те... напавшие разозлились и убили.

– И что, никого не нашли?

– Нет. По-моему, никто и не искал. Какой им интерес в том, чтобы найти убийц какой-то пенсионерки?

Тишина повисла в гостиной. Неприятная тишина, честно говоря.

– Это ужасно, – пробормотал, наконец, мой гость. – Мне бы хотелось... посетить её могилу. Ты не знаешь, где это?

– Нет. Извини. Так что, Валентина Липницкая была... от вас?

– Валентина здешняя, но её муж был гражданином Лантара. Она много лет прожила в нашей столице, а когда Базиль умер, вернулась домой. Сюда.

– Ага. И дом проектировал ты?

– Да.

– А что вообще ты делал в Москве, когда мы познакомились?

Он вздохнул:

– Видишь ли, дело в том, что у нас принято отправлять молодёжь в путешествие по мирам... Ну, как в девятнадцатом веке в Англии отправляли молодых дворян в путешествие по континенту, например, понимаешь?

– И?

– И я здесь организовывал для них эти путешествия. Документы, проживание, обучение на выбранных курсах, экскурсии... На год пребывания требуется чертовски много всего!

– То есть ты – как бы турагентство с приёмом в иных мирах? – мне вдруг стало смешно.

Турагентство! Всего лишь! а выглядит прямо будто лорд-мэр Лондона!

– Дорогая, если тебе так будет легче, ради бога, – недолорд-мэр улыбнулся. – Вообще-то я советник по безопасности нашего правителя, считай, короля. И моё дело заботиться о безопасности государства, правящей семьи и народа в целом. И зря ты морщишься, у нас несколько иная система приоритетов, чем у тех, о ком ты сейчас подумала.

Ладно, что я, в самом деле... Советник так советник. Пусть советует.

– Хорошо, я поняла. В конце концов, не моё дело, как вы собирались скрывать от меня, что мой погреб служит таким проходным двором для иномирян. Какие ваши дальнейшие планы?

– Мы ничего не собирались скрывать. Более того, вообще не должны были пользоваться этим проходом. Прости, но другой ход, в безлюдном месте, внезапно перестал работать, а у кирэ Анндаранэ всего месяц на это путешествие, так уж вышло.

– Перестал работать? – по моей спине отчего-то прокатилась ледяная волна. – И там, в нём... кто-то был?

– Нет. Просто дверь не открылась. Образно выражаясь, замок заржавел, и петли надо смазать. Я планировал показать кирэ Москву, Питер, Рим и Венецию, на недельку свозить в горы куда-нибудь в Австрию, и потом ещё на неделю – на тёплые острова.

– Отличный план. Значит, кирэ – это?..

– Обращение к девушке из знатного рода. Замужняя дама – кирэ-адан, мужчина – адан, старый, особо уважаемый мужчина – адан-лоэ. У низшего сословия почти то же самое, но другие слова: итэ, итэ-акс, акс, акс-лоэ. Тебя бы называли геретэ-лоэ, профессор.

– И что, никаких высочеств и величеств?

– Нет. У наших правителей непростая жизнь, на их плечах лежит серьёзная ответственность, и уважение к ним выражают иначе.

– Здорово, – пробормотала я, чтобы что-нибудь сказать; в конце концов, что за дело мне до того, как обращаются в другом мире к почтенному старцу? – От меня что-нибудь нужно?

– Нет, дорогая, – склонившись, Михаил поцеловал мне руку. – Всего лишь вызвать нам такси.

– Лучше я сама вас отвезу, – приняла я решение. – Мне всё равно нужно в город, хочу в «Азбуку вкуса» зайти, купить кое-что.

– Триста граммов еды, – рассмеялся он.

Я тоже улыбнулась, вспомнив эту присказку из наших совместных поездок на Чегет...

Высадив гостей возле метро «Сокол», я поглядела, как они исчезают в чреве подземки, и поехала по своим делам. Прощаясь, Михаил обещал, что на обратном пути они меня не побеспокоят, пойдут через другой ход, но отчего-то поверить у меня не получилось.

Итак, у меня был План, как провести отпуск: неделя блаженного безделья как можно ближе к кровати, десять дней в горах и остальное время – как придётся.

Нужно ли говорить, что первые три дня мне приходилось уезжать в город после завтрака и возвращаться уже в темноте? Но не поехать на консультацию, если

меня о ней просит коллега и давний друг, тоже было невозможно... Точно так же, как и отказать одной из самых сложных больных, что были в моей хирургической истории, и не сыграть роль посажённой матери на её свадьбе. И к себе в отделение пришлось наведаться, потому что те самые менеджеры, прости господи, наворотили такого, что у меня полдня ушло только на изучение составленных ими отчетов.

На третий день я и поняла, что слиться в единое целое с подушкой (прости, любимая!) мне не светит, и надо уезжать. Позвонила в турагентство знакомой девочке, и через полчаса была осчастливлена коротким и внятным e-мейлом с перечислением мест, куда можно было уехать в ближайшее время с наименьшими затратами денег и нервов. Пятилетняя французская виза у меня стояла, так что оставалось лишь изучить список, подумать, выбрать и заплатить.

Глава 2

Мобильный коротко брякнул. Я скосила глаза: сообщение по WhatsApp с неизвестного номера. Не буду читать, мне от известных-то номеров деваться некуда. Через минуту тот же номер отметился в вайбере и смс-ках. Мне стало уже любопытно, и я открыла сообщение.

«У нас некоторые неприятности. Мы можем к тебе заглянуть сейчас? Михаил, Анни».

– Что из этого считать информацией, а что подписью? – спросила я, возводя глаза к небу.

К потолку спальни, если быть точной.

Натянула джинсы и свитер, сунула ноги в меховые мокасины и ответила: «Валяй». Потом спустилась в кухню и поставила чайник: ничего не поделаешь, бабуля меня приучила когда-то, мол, пришли к тебе люди, выставь на стол хотя бы чай и сушки.

Сушек в хозяйстве отчего-то не оказалось, пришлось отыскать и выложить в вазу датское печенье, подавив в себе детское желание повытаскать из набора мои любимые вафли.

На всякий случай я отперла дверь погреба, и, как оказалось, зря. Гости приехали на такси и вошли через обычную дверь.

Михаил на ходу скинул тёплую куртку, почти вытряхнул из модного пуховика принцессу, бросил одежду на скамейку в коридоре и прошёл в кухню. Молча.

Всё так же молча подошёл к холодильнику, достал бутылку водки, налил себе полстакана и выпил, после чего всё же заговорил.

– Извини, что похозяйничал без спросу.

– Ничего, – я пожала плечами. – Раз уж ты пьёшь водку, а не шампанское, значит, и в самом деле неприятности нас дождались?

– Примерно так.

– Анни, чаю хочешь? – вид у девочки был потерянный.

Впрочем, и её ментор выглядел не особо хорошо: осунувшийся, с кругами под глазами...

– Обстоятельства складываются так, что я должен немедленно вернуться домой, – сказал Михаил.

Я чуть чайник себе на ногу не уронила, настолько это неожиданно прозвучало. Залила кипятком заварку, накрыла чистой салфеткой и только тогда повернулась к гостям.

– Ты хочешь пройти... через мой подвал?

– Других дорог не осталось, к сожалению. В Подмоскowie было ещё три действующих портала, и два к югу от города, в Калуге... Неважно, – оборвал он себя. – Действует только твой.

– Понятно.

Чашки, блюда, серебряные ложки, вазочка с печеньем, сахарница... Простые повседневные дела отлично помогают соображать, не зря же Агата Кристи придумывала свои убийства за мытьём посуды.

– Я не хочу думать, что в Лантаре произошло что-то катастрофическое, но проверить обязан. Хотя бы перед тем, как возвращать домой наследницу.

– Адан Михаэль хочет сказать, что, по его мнению, я должна остаться здесь и спасти свою шкуру, даже если в моей стране что-то случилось, – звонким голосом проговорила девочка.

Таким звонким, что я поняла: слёзы – вот тут, совсем рядом.

– Я вернусь! – Михаил поднял ладони в защитном жесте. – Три дня, ну, четыре, и я буду здесь!

– А если и этот портал схлопнется?

– Не схлопнется!

– Почему?

– Потому что это мой личный портал, и привязан он не к артефактам королевского дома, а к моему родовому перстню! О нём не знает никто, кроме меня и хранителя двери. Ну, вот вы ещё теперь...

– Адан Михаэль, вы вот так легко признаётесь в государственной измене? – Анндаранэ прищурилась.

– Кирэ Анндаранэ, вы желаете отправить меня в одну из камер в Скарбоне?

– Брэк! – прервала я спор, перерастающий в крупную ссору. – Разошлись по углам и выдохнули. Ты говоришь, три дня?

– Да, – выдохнул Михаил.

Принцесса фыркнула и отпила из чашки.

– Предположим, я возьму Анни с собой в Зельден. На десять дней. Предположим, что тревога ложная, и за это время ты успеешь вернуться и найти нас. А если нет?

Он помотал головой; видимо, это должно было обозначать «Не знаю», потом посмотрел на меня молящими глазами:

– Я вернусь. И найду вас, клянусь честью.

– Ну что же, тогда... Кирэ Анндаранэ, составите ли вы мне компанию в поездке в горы?

– Буду счастлива, геретэ-лоэ Екатерина, – и девочка церемонно склонила голову.

Дальше было увлекательно.

Это принцесса отправилась спать, я же ухватила Михаила буквально за хвост, когда он попытался немедленно отправиться к portalу, усадила за стол и сказала:

– Во-первых, надо подготовиться. Возьми себя в руки, пожалуйста, тебе не семнадцать лет, чтобы бежать сломя голову.

Он тяжело сел и вздохнул:

– Ты права. Ты опять права, конечно. Надо подготовиться. Только к чему?

– Взять с собой оружие?

– Бессмысленно. Порох срабатывает непредсказуемо, что-то не сопрягается с магией.

– Хорошо, а лекарства? – увидев огонёк заинтересованности в его глазах, я продолжила: – Ты предполагаешь, что там война или переворот?

– Второе. Воевать Лантару не с кем... или я всё прошляпил! – и Михаил зло выругался сквозь зубы.

– Если так, тебе нужно будет скрыться самому, найти сторонников и помочь им, по возможности, стабилизировать ситуацию. Так?

– Так.

– Значит, лекарства, инструменты и деньги. Ну, то есть то, что можно в деньги превратить. Если там переворот, то ты можешь до своих закровов просто не добраться.

– Инструменты? Топор и молоток?

– Скальпель и хирургическая пила! Если перестали работать порталы, то вполне может не действовать и целительская магия, или что там у вас есть. Останется лишний ибупрофен – выкинешь! Так, ближайшая круглосуточная аптека... – я углубилась в айфон.

Антибиотиками, обезболивающими, перевязочными средствами и антисептиками я забила рюкзак, оставшийся с давних времён. Туда же отправились несколько банок консервов, шесть плиток горького шоколада и бутылка спирта. Гость молчал, полностью отдав в мои руки ситуацию, лишь отказался от пополнения финансовых запасов. Пояснил коротко, что это не проблема.

Я закрыла рюкзак, взвесила его на руке – тяжёлый, чёрт! – и повернулась к Михаилу.

– Документы девочки? – в моих руках оказалась синяя книжечка с гербом с тремя львами и надписью «Eesti». Я раскрыла её и прочла: – Анна Хольм... пятнадцать лет, проживает в Тарту. Хорошо, пойдёт. По крайней мере, с визой не заморачиваемся. Если ты появишься здесь без меня... Надо что-то придумать для соседки, она заходит в моё отсутствие.

– Пусть это будет наименьшей из наших проблем, – мрачно ответил он, и неожиданно притянул к себе, обнимая.

Не было в этом объятии ни страсти, ни нежности. Только попытка удержаться на ногах, уцепившись за того, кто оказался рядом...

Ещё час мы с Михаилом потратили на составление подробной справки о Лантаре и краткой – о его соседях. Он пытался отговориться сперва тем, что непременно скоро вернётся, потом – тем, что уж принцесса-то точно знает всех придворных, политические и светские партии, кто с кем и против кого дружит.

– И о магии пиши, – сказала я, постучав по столу указательным пальцем. – И о религиях.

– Да это вообще не имеет значения! – возопил он. – Ну, есть храмы Единого, есть поклонники тёмного Таноса, есть адепты Светлого семейства... Они сами по себе, государство само по себе.

– Миш, – я даже несколько обалдела от такой незамутнённой наивности. – Религия – это прихожане. Прихожане – это деньги. Деньги – это власть. Дорожка такая коротенькая, что какой-нибудь святой предстоятель вполне может возжелать светской власти себе лично, раз уж для этого надо сделать всего пару шажков... Так что пиши. Если через десять дней ты постучишься в мою дверь в отеле «Бергланд», скажешь, что всё в порядке и порталы закрылись просто из-за случайного сбоя, я с радостью сожгу твои заметки в камине. Или использую для написания фантастического романа.

– Ладно, – он тяжело вздохнул и принялся исписывать четвёртый лист бумаги.

Кто-нибудь, возможно, удивится моим садистским наклонностям – почему это я заставила человека писать всю эту байду от руки, а не включила компьютер? Тому было три причины, и все главные. Во-первых, мой ноутбук лежал в кабинете, надо было подниматься за ним на второй этаж по скрипучей лестнице с большим шансом разбудить Анндаранэ. Во-вторых, я с трудом терплю вторжение в моё личное пространство, а ноутбук, без всякого сомнения, таковым является. Ну и, наконец, last but not least, приятно было доставить небольшое неудобство человеку, сунувшему палку в трудолюбиво сложенный мною муравейник и нарушившему дорогую моему сердцу рутину.

Я просмотрела полученные листки, сложила их и сунула в карман домашней куртки.

– Есть ещё что-то, что может мне пригодиться... в случае чего?

– Ну, только одно. Способ, как открывать портал в твоём доме.

Он снял с пальца перстень с чёрно-разноцветным переливающимся камнем, положил его на левую ладонь, прикрыл правой, сложенной горстью, закрыл глаза и что-то пробормотал. В гостиной ощутимо похолодало, хотя и до этого африканской жары не было. Когда Михаил разжал руки, на его ладони оказались два совершенно одинаковых кольца, а под ними довольно сильный ожог.

– Да-да, – он правильно понял мои расширившиеся глаза. – Это именно она. Магия. Процесс дублирования предмета отнимает много сил и выкачивает энергию из окружающего пространства. Если бы было лето, её бы вытянуло из деревьев и травы, а сейчас... ну, вот так. Бери.

– Какой?

– Любой. Они идентичны.

Перстень оказался тяжёлым, впрочем, чему тут удивляться, золото... И еще огромным, так что даже на большой палец ноги он был бы мне велик.

– Надень, карфон подстраивается под носителя.

– Карфон?

Да, и в самом деле, стоило мне просунуть палец в золотой ободок, как он сжался точно по размеру.

– Карфон – это магический предмет, артефакт, специально созданный для конкретного владельца и выполняющий, помимо охранной функции, ещё и роль ключа, – пояснил Михаил.

– Универсального?

– О, нет! Ключ от всех дверей – это легенда. Попроси принцессу, она тебе расскажет.

– Ладно. И как он работает?

– Прикладываешь ладонь к двери и произносишь кодовое слово. Для твоей двери это...

Он взял листок и написал два слова, потом протянул мне со словами:

– Пожалуйста, выучи и потом выкинь. В печке сожги. И не произноси вслух просто так, только для открытия портала.

Я посмотрела: чёткими латинскими буквами было написано OBSUL LAGAR. Несколько раз повторив заветные слова, я мелко порвала бумажку и бросила её в пепельницу, после чего взглянула на Михаила:

– А поджечь можешь?

– Спички есть?

– Есть, конечно, но я имела в виду – магически!

Он пожал плечами, зажёг на указательном пальце небольшой огонёк и в момент спалил всё, что лежало в керамической чашке.

Мой гость ушёл спать. Я же долго ещё сидела у камина и смотрела в огонь.

Конечно, Михаил уговаривал себя и меня, что неработающие порталы – это просто системный сбой, глюк, как у компьютера, всё наладят мастера пространственной магии... Но я отчётливо понимала, что закон Мерфи никто не отменял, как и следствия из него. Предоставленные сами себе, события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему. Если порталы в параллельный мир перестали работать в тот момент, когда в этот мир отправилась наследная принцесса, значит, это кому-то нужно.

Разумеется, гадать заранее о том, что же произошло в Лантаре, было бессмысленно, но я могла с ходу набросать пяток сценариев и выдвинуть претендентов на главные роли, даже не видя списка действующих лиц.

Кому может быть выгодно исчезновение наследницы престола?

Второму по счету в линии – кузену, дядюшке, любому родственнику-носителю крови. По словам Михаила, кровь династии ап'Векламиан Дарго сама по себе является носителем особой магической силы, и не-носителям просто не прикоснуться к соответствующим атрибутам власти. Спалит ко всем чертям. Вернее, ко всем тарморхам, поскольку такого персонажа с рогами и хвостом они не придумали, обходятся всеядным и вечно голодным ядовитым червём-многоножкой.

Поехали дальше.

Предположим, что некто желает сменить династию. В конце концов, за такой куш, как власть в богатой, развитой, магически сильной стране площадью с три Франции, можно не только коронационные регалии заново выковать, но и столицу сжечь, землю солью засыпать, а город заново отстроить в другом месте.

У кого самые большие в этом смысле возможности? У тех, кто должен беречь безопасность государства вообще и правящей семьи в частности.

Кто ещё способен пожелать куска побольше от пирога послаще? Маги, разумеется. Уж они-то должны полностью представлять себе, какие

неприятности могут проистечь из отсутствия в стране той самой особой крови, чем можно это заменить, ну, и так далее. И не говорите мне о моральных принципах, чести и смертельных обещаниях: если люди придумали, как дать магическую клятву, они же изобретут и то, как её обойти.

Ещё варианты?

Да сколько угодно! Ну, например, глава церкви Таноса обиделся на коллегу из храма Светлого семейства, и решил изгнать того – вместе с богами и поклонниками – из Лантара. И что, кто-то хочет предположит, что человек, взобравшийся на самую верхушку относительно высокой горки, откажется рискнуть и влезть ещё выше? Или мы не слыхали о государствах с полностью религиозным правлением, где светские властители даже мяукали и то по команде?

Словом, гипотетических скверных исходов множество, а устраивающий нас happy end только один...

Уже засыпая, я поймала за хвост мелькнувшую мысль: Михаил всё это, придуманное мною, должен знать. Если он возвращается в Лантар и оставляет принцессу со мной, значит, должен представлять себе, что могло случиться. Не могли Анндаранэ отправить в другой мир просто с сопровождающим – учителем, гувернером, кем угодно. Готова поспорить на коробку конфет против гнилой картошки – он не просто маг, а боевик, и высокого ранга. И когда он вернётся и постучит в дверь нашего номера в отеле «Bergland», я попытаю из него все подробности.

Все вышеописанные разговоры происходили во вторник, четырнадцатого января. В среду, пятнадцатого, ранним утром я услышала, как зашумела вода в ванной, потом бодро засвистел чайник и пополз по дому запах кофе. Надела халат, почистила зубы и спустилась, надо ж проводить гостя.

Михаил сидел за столом и пил кофе. Чёрный. Без сахара, хлеба, колбасы, сыра или джема, без всех тех утешительных призов, которые Эос раздаёт встающим с рассветом.

– Готовишься к трудностям? – поинтересовалась я, доставая с полки свою любимую чашку с большими пурпурными розами. – Давай-ка, завтракай нормально.

– Поверишь, кусок в глотку не лезет.

– Поверю. У самой такое бывает иной раз...

Я не стала уточнять, что в последний раз внезапная пропажа аппетита случилась со мной перед защитой кандидатской диссертации; докторскую я защищала, можно сказать, на бегу, между двумя экстренными операциями, и поволноваться не успела.

То ли на звук, то ли на запах пришла и принцесса, так что в погреб мы спускались втроём.

– Открывай, – кивнул Михаил.

Нет, пожалуй, уже Михаэль ап'Барст Калтинель – мой давнишний знакомый как-то подтянулся, взгляд стал холодным, а профиль – чеканным. Это был теперь вовсе не тот любимец всей компании, виртуозно исполнявший «Мурку» на губной гармошке, а, чёрт побери, сэр и пэр. Ну, или где-то рядом.

Я приложила ладонь к двери в том месте, где должен был бы находиться замок, и одними губами прошептала вызубренное заклинание. Ничто не взорвалось и не засияло, и искры ниоткуда не посыпались – просто дверное полотно поддалось под рукой, приоткрылось, и из щели пахнуло солнцем, теплом и разогретой травой...

– Получается, у вас там лето? – глупо спросила я.

– У нас всегда лето, кроме как весной и осенью, – ответил Михаил и шагнул за дверь.

С негромким щелчком она захлопнулась, и дверной проём будто истаял, вновь явив взгляду кирпичную стену.

Глава 3

Принцесса выдержала три дня, прежде чем задать вопрос. И надо признать, момент она выбрала отличный, я чуть не попалась. Ранним вечером после катания, обеда на склоне, снова катания и долгого горячего душа мы сидели у камина в гостиной отеля и пили, я глинтвейн, а Анндаранэ – травяной чай с яблоками и мёдом.

– Как ты думаешь, дядя Михаэль... вернётся? – спросила она, разумеется, дождавшись, пока я отопью глоток огненно-горячего напитка. – И что вообще там происходит?

Нет, я не поперхнулась. Проглотив глинтвейн, я покачала в воздухе стеклянной кружкой, наблюдая, как лениво плещется тёмно-красная жидкость, потом повернулась и посмотрела на неё.

Девочка сидела, подавшись вперёд и сжав губы.

– Не знаю – ответ на оба вопроса.

– Почему? – она раздражённо отставила свою кружку. – Ты взрослая, ты должна знать!

– Душа моя, я абсолютно не информирована о массе вещей. Сколько зубов у улитки и с какой скоростью она передвигается, как готовить утку по-пекински, откуда айфон знает, кто тебе звонит и где ты находишься, какой магией ты владеешь...

– Огня, разума и воздуха... Ой! – она по-детски зажала себе рот рукой.

– Вот именно. Тебе велели мне об этом не говорить, а почему?

– Ну... Дядя Михаэль считает, что каждому нужна лишь та информация, которой он может воспользоваться, прочее лишнее.

– Согласна, – я покивала и одним глотком допила глинтвейн. – Но, если мне не нужна информация о магии, поскольку я не могу ею пользоваться, как могу я предполагать, что же происходит с волшебником в волшебной стране?

– Ты неправильно говоришь, – упрямо склонила лоб Анндаранэ. – Волшебники, колдуны – это люди с небольшими способностями, и они не получили специального образования. Для того, чтобы поступить в университет Дарго, нужно иметь резерв не менее десяти единиц, и то, будут сомневаться, стоит ли брать.

Кстати... – Тут она прищурилась и посмотрела на меня примерно так же, как когда-то жившая у меня кошка смотрела на скачущего по дорожке воробья, то есть, совершенно незаинтересованно. – Кста-ати, а вот интересно, какие способности у тебя?

– Никаких.

– Ерунда, – девочка решительно отмахнулась от моих возражений. – Ты бы порталную дверь не открыла, если бы их не было. погоди минутку... – тут она оглянулась, обратила внимание на нескольких гостей отеля, сидящих рядом с такими же стеклянными кружками и решительно встала. – Пойдём в наш номер. Всё равно надо переодеться к ужину.

Откровенно говоря, переодеваниями к ужину в «Бергланде» никто особо не заморачивался, но моя принцесса упорно соблюдала правила дворцового этикета. Наверное, это разумно: что ей все эти люди, которых никогда в жизни больше мы не увидим? А домой вернуться Анни рано или поздно придётся...

В номере она быстро побежала в свою спальню и вернулась с широким браслетом из тёмного металла, на котором в три ряда были выстроены невзрачные жёлтые камушки. Протянув мне браслет, девочка сказала:

– Надень, пожалуйста, на правую руку... ты же правша?

– Вообще я амбидекстер, – зачем-то сообщила я.

На мгновение Анндаранэ зависла, но потом махнула рукой:

– Неважно. На правую руку, и закрой глаза, пожалуйста.

– Током не ударит?

– Нет. Это... другой вид энергии.

– Ладно.

Я надела полосу металла на руку и опустила веки; почему-то браслет был тёплым и не сжимал запястье, а облегал, будто это была мягкая кожа. Девочка что-то прошептала, мою руку пронзил короткий импульс, не болезненный, но неожиданный, и глаза открылись сами собой.

Жёлтые камушки светились, неярко, но вполне заметно. Не все: из пары десятков три или четыре оставались тусклыми, но мне хватило и имеющегося. По выражению лица принцессы я поняла, что произошло что-то нештатное, и решительно сняла безделушку.

– Ты хотела переодеться? Пожалуй, я проголодалась, давай минут через пятнадцать пойдём ужинать.

Анндаранэ подняла на меня взгляд. Оценивающий и заинтересованный.

– Двадцать две единицы, – сказала она. – Насколько я могу судить, у тебя есть магия жизни и огонь, а может, и ещё что-то. И знаешь что, дорогая тётушка?

– Что?

– С завтрашнего дня я сама буду заниматься с тобой основами магии.

– Да? А ты не могла ошибиться дорогая... племянница. Раз уж мы теперь близкие родственницы. А? Почему Михаил не говорил мне о способностях к магии?

– Потому что этот артефакт, – девочка покачала передо мной браслетом, – наш, семейный. И пользоваться им могут только те, в ком течёт кровь ап'Векламиан Дарго. Ещё похожие определители есть в университете у ректора и нескольких других учебных заведениях.

– Похожие?

Она энергично кивнула.

– Да. Этот компактный и... ну, в общем, другой.

– Ага... А ещё у кого есть такие определители? – заинтересовалась я.

Чёрт возьми, в свете моих недавних размышлений о происходящем в незнакомой мне стране Лантар этот вопрос мог стать весьма важным!

Принцесса пожала плечами.

– Понятия не имею. Честно говоря, и этот не мой, я его утащила у дяди. Отцов кузен, адан ап'Бертион Дарго, глава службы безопасности страны.

Судя по её гримаске, дядюшку она не особо любила. Интересно, за что? Я задала этот вопрос, но в ответ получила ещё одну гримаску.

– Так. Он скользкий, и смотрит, будто я – стакан с вином.

Нет-нет, граждане, я на такое не подписывалась! Конечно, я довольно сообразительна, но вот так, ткнув пальцем, точно попасть в цель – это не достоверно, в конце концов. Родственник правящего лица, да ещё и местный главный жандарм – перебор, к одиннадцати туз!

Ладно, может всё и неважно, и не пригодится вовсе.

Я взглянула на часы и встала.

– У тебя на переодевание пять минут, иначе мы останемся без ужина. Прибежит семейство Штольцев и всё съест.

Анндаранэ фыркнула и пошла сменить джинсы на платье. Тем более, что поспешить и в самом деле стоило: помянутое немецкое семейство, состоящее из высоких и толстых светло-рыжих родителей и четверых высоких и толстых

сыновей, являлось в ресторан ровно в восемь и съедало всё, выставленное в салат-баре, после чего переходило к горячим блюдам.

После ужина я собиралась поваляться в кровати с книгой и пораньше уснуть, но не тут-то было. Принцесса постучалась в мою спальню – а мне пришлось вместо обычного номера взять съют с двумя спальнями, и во что он обошёлся, я даже вспоминать не хочу! – вошла и села в кресло, подобрав под себя ноги. Я глянула на неё, из принципа дочитала страницу и со вздохом отложила детектив.

– Говори.

– Я волнуюсь.

Сейчас она казалась просто девочкой-подростком, бледненькой, нескладной и очень несчастной. Порыв «пожалеть и вытереть слёзы» я задавила в зародыше, потому как будет ещё случай, можно и к гадалке не ходить.

– Из-за Михаила? – она кивнула. – Что-то случилось, чего я не знаю?

– Наоборот. Не случилось.

– Подробности будут?

– Мы договаривались связываться... по определённым дням. Сегодня была вторая такая... точка связи. И адан Михаэль снова не откликнулся.

– Потом расскажешь мне о способе связи, – задумчиво сказала я и постучала ногтями по обложке книги. – Твои предположения, что это может означать?

– Не знаю! – она хлюпнула носом, и по щеке поползла-таки предательская слеза. Анндаранэ сердито вытерла её ладонью и уставилась на меня. – Адан Михаэль ап'Барст Калтинель – личный советник правящего адан-лоэ, моего отца. Его обязаны слушаться все, от первого министра до последнего золотаря. С ним не могло произойти ничего такого, что помешало бы выйти на связь!

«Турагентство», вспомнила я, и внутренне захохотала, как гиена. Что, Катерина Михайловна, промахнулась? Собрав в кучку всё наличное спокойствие, легла на бок, подпёрла голову рукой и сказала:

– Ну, например, его сбросила лошадь. Или он поскользнулся на банановой кожуре...

– У нас не растут бананы!

– Хорошо, на арбузной корке. Или он влюбился, в срочном порядке женился и сейчас переживает медовый месяц на заброшенных островах в тёплом синем море.

Девочка осторожно хихикнула.

– Еще варианты есть?

– Сколько угодно, – я пожала плечами, и это было очень неудобно делать лёжа. – Но для начала ты мне скажи, с какой целью вы договаривались об особых сеансах связи, словно опытные шпионы?

– Шпионы – это у врагов, у своих бывают исключительно разведчики, – ну, слава богу, плакать Анндаранэ перестала. – Ты же понимаешь, ситуация непонятная. А вдруг там что-то серьёзное произошло? Я хотела... Я должна об этом знать!

– Что могло произойти, если говорить серьёзно?

– Не знаю. Но если адан Михаэль не вернётся до конца следующей недели, я попрошу тебя открыть для меня дверь и вернусь в Лантар. Долг наследной правительницы...

– Понимаю...

Я достала айфон и взглянула на календарь: вечер пятницы, конец следующей недели наступит через восемь дней. Мне на работу выходить через три недели.

– Значит, так, – сказала я, стараясь, чтобы слова мои звучали веско, будто на заседании Ученого совета. – Если до оговорённой даты Михаил не вернётся и не выйдет на связь, мне придётся убить остатки отпуска на то, чтобы тебя проводить прямиком в тёплые лапы правящего адан-лоэ. Иначе меня икота замучает от мыслей, что дверь я открыла зря.

– Я, правда, очень волнуюсь! Вдруг там произошло что-то... ужасное?

– Знаешь, – я перевернулась на спину и стала смотреть на белёный потолок и пересекающие его балки, – у нас есть такая пословица: «всё, что нас не убивает, делает нас сильнее»?

– Теперь знаю.

– Так вот, мне больше по душе модернизированный вариант этой пословицы: «Всё, что меня не убило, сильно об этом пожалеет. Потому что теперь моя очередь».

Глава 4

Дом пахнул застоявшимся воздухом. Я покачала головой: просила же Лидочку проветрить к нашему приезду! Но пожилая леди была и оставалась твёрдой последовательницей теории викторианского времени: сквозняки вредны, свежий воздух – то же самое что холодный, и это тоже вредно.

Впрочем, грех было бы жаловаться – пыль стёрта, пол сияет чистотой, в холодильнике наличествуют яйца, сливки и масло, дверь в погреб заперта на висячий замок.

Замок? Да...

Мы с принцессой переглянулись и разошлись в разные стороны, я в кабинет, Анндаранэ в свою спальню. Но нет, и в кабинете на столе, где, согласно договорённости, должен был оставить записку Михаил, было пусто. Должен был оставить, если бы вернулся.

Значит, не возвращался.

Шумно выдохнув, я пошла в гостевую спальню. Девочка сидела на постели, держа на коленях большую резную деревянную шкатулку, и вид у неё был самый потерянный. Она подняла на меня взгляд:

– Ничего нет...

– В каком смысле?

– Это почтовый ящик. Можно написать письмо, положить внутрь и отправить адресату. Я говорила, мы договаривались связываться по определённым дням и когда... когда что-то прояснится.

– Такая здоровая коробка ради связи с единственным адресатом? – я поморщилась.

Всё-таки магия иной раз, оказывается, не слишком удобна для использования...

– Бывает по-разному. Это же артефакт, – с некоторой снисходительностью объяснила мне принцесса. – Коробка красного дерева, а в крышку вмонтированы камни по числу... абонентов. Здесь их пятнадцать. Это предельное число, более ёмкого устройства не существует.

– И Михаил должен был тебе написать, когда прояснится ситуация, даже если в контрольный дни не смог выйти на связь?

– Да. Как минимум – когда поймёт, что случилось с порталами, и ещё если по каким-то причинам он задерживается.

– И не написал...

Она только помотала головой. Впрочем, что уж тут было говорить? Чуда не случилось, факир оказался несостоятелен. Я потёрла лоб, соображая.

– А с кем ещё ты можешь связаться по этому артефакту? Нет, погоди, сперва скажи вот что: это предмет дворцовый или твой персональный?

Анндаранэ нахмурилась, пытаясь понять мою логику, потом лицо её прояснилось:

– Ты имеешь в виду, что рабочим остался только портал, зачарованный лично на дядю Михаэля?

– Именно.

– Ага... Да, это мой собственный ящик. Мне его подарил на первое совершеннолетие наш дворцовый маг, адан-лоэ Герард ап'Тренс Ковали.

– И есть надежда, что этот канал связи пока должен работать... – я прикусила губу, отчётливо понимая, что вот сейчас делаю первый шаг по дороге, которая может привести куда угодно, только не в мой неудобный кабинет заведующей травматологическим отделением. – Скажи мне вот что, пятнадцать контактов. Абонентов. Кто именно?

– Родители, – начала перечислять Анндаранэ, – адан-лоэ Герард, адан Михаэль, старшая арданэ Высокой супруги правителя, две моих собственных арданэс, глава службы безопасности, мой старший наставник, две кузины. И несколько камней свободны, потому что так посоветовал адан-лоэ Герард.

– Хорошо... Скажи, а возможно ли ошибиться, отправляя письмо? Ну, ты же пользуешься телефоном, так что сталкивалась с неправильным набором номера.

– Не-ет, что ты, – девочка хихикнула. – Ну, можно, конечно, нажать не на тот камень и отправить записку для папы в почтовый ящик кузины. Но на самом деле так не получится, камни все разные, и тебе не дают пользоваться шкатулкой, пока всех не заучишь. А почему ты спрашиваешь?

– Если бы можно было ошибиться, попробовали бы связаться с кем-то и проверить хотя бы, работает ли связь... – Я сосредоточенно грызла ноготь. – Беда в том, что мы никому не можем доверять, понимаешь?

Взглянув на неё, я мысленно выругала себя последними словами: на резко побледневшем лице прорезались веснушки, а глаза стали такими огромными, будто у меня на плече сидела розовая мышь.

– Ты... думаешь?... – выдавила из себя принцесса.

– Лучше мы будем предполагать худшее, надеясь на лучшее, и в результате получим устраивающее нас, чем наоборот. Если почтовый ящик, к примеру, твоей кухни, попал в чужие руки...

– Он не сработает, – она прервала меня почти грубо. – Открыть шкатулку может только тот, на чью кровь она зачарована!

– Или тот, кто зачаровывал.

– Да...

Принцесса сидела на своей кровати, сгорбившись и обхватив колени руками. Маленькая худенькая девочка, попавшая в чужой мир и не знающая, что случилось с её роднёй. Мне хотелось пожалеть её, обнять, погладить по голове и спеть колыбельную...

Хотелось.

Но ничего этого я делать не стала, а предложила самым деловым тоном:

– Давай-ка сейчас выпьем чаю и ляжем спать. Завтра утром, на свежую голову, мир может показаться чуточку более дружелюбным.

Ночью меня разбудил какой-то непривычный звук. Я нашарила под кроватью тапки, накинула халат и вышла в коридор. Да, это в гостевой спальне... Подошла к двери и прислушалась. Анндаранэ повторяла какое-то слово на незнакомом мне языке, раз за разом, всё с большим напором. Слово было коротенькое, так что уже точно не заклинание. Имя, призыв, команда?

Наконец, девочка замолчала. Я уже подняла руку, чтобы постучать в дверь, когда оттуда раздалась совсем другие звуки – не слова, а всхлипывания. Ну да, конечно, принцессы питаются радугой и какают бабочками, а плакать не приучены вовсе, это же все знают! Пойти утешать? Нет, всё-таки я для неё человек чужой, а нам неизвестно во что ещё придётся вляпаться, плохо будет, если ей окажется неловко смотреть мне в глаза.

Я прислонилась к стене, закрыла глаза и постаралась припомнить один из первых уроков магии, данных мне Анной: «Овеществлённое желание, очерченное формулой – вот чем должна быть твоя магия. Внутри неё нет места страсти, горю, гневу или скуке, только красота математики, совершенство линии, законченность точки»...

Ладно, попробуем.

Обратившись к крохотному очагу внутри себя, где-то в районе диафрагмы, я мысленно раздула этот огонёк, осторожно, чтобы не загасить его вовсе. Почувствовала тепло в ладонях, сложила их ковшиком и попыталась представить себе, что туда перетёк кусочек этого пламени, превратившись в шарик, переливающийся всеми оттенками перламутра. Повинуясь моему приказу, шарик наполнился спокойствием и светом, поднялся в воздух и полетел туда, где горело больным красным цветом чьё-то горе...

– Неплохо, – раздался спокойный голос совсем рядом. – Почему шар?

– Совершенная геометрическая фигура, – пожала я плечами, отклеиваясь от стены. – Всё в порядке?

– Теперь да, спасибо, – кивнула Анндаранэ. – Напомни мне завтра, что мы уже можем заняться стихией огня.

Наверное, я должна была почувствовать, что мой, скажем так, объект, уже не находится на месте. Да что там говорить, если бы я с такой сосредоточенностью попробовала защищаться даже не от другого мага, а от обыкновенной шпаны, уже огребла бы неприятностей по самую маковку! Но, в конце концов, медицине я училась десять лет, да и потом не переставала узнавать новое, а о существовании магии узнала три недели назад...

Кто-то мог бы удивиться, что огненной стихии мы пока не касались, ведь в современных романах фэнтези первое, что делает новоиспечённый маг – поджигает свечку. Ну, или создаёт файрбол, тут уж по прихоти автора. Но моя юная учительница сразу мне сказала, что с огня начинается только самоубийца, это предпоследняя из стихий, которой начинают обучать неопита, и понятно почему. Техника безопасности, как оказалось, и в магическом мире должна быть в приоритете. Первое, что я сумела сделать – наполнить чашку водой. Потом её заморозить, причём в этот момент чашка лопнула, потому что, разумеется, ученица перестаралась и влила слишком большую силу. Потом три дня я мучилась, поднимая потоком воздуха книгу, лист бумаги и, наконец, перо...

Короче говоря, давайте я лучше заново сдам экзамен по патанатомии!

Завтракали мы молча. Лично я просто опасалась открыть рот и произнести фразу, которая сольёт к чертям мои планы, карьеру, жизнь... Понятно ведь, что за неделю, оставшуюся от моего отпуска, мы с принцессой сумеем разобраться в причинах отключения порталов лишь в одном случае: если нас убьют сразу же в момент перемещения. Нет, есть ещё второй вариант – что всё в порядке, и это был кратковременный сбой, но я уже перестала верить в то, что дверь, ведущая в погреб, распахнётся, и появится Михаил.

Замок с неё я сняла сразу по приезде...

Допив кофе, я отставила чашку, Анндаранэ открыла рот, чтобы что-то сказать, и в этот момент колокольчик над дверью задёргался, словно припадочный. Некто стоял у калитки и не отнимал палец от звонка.

Мы с принцессой переглянулись, и я нажала на кнопку видеонаблюдения.

У калитки стояла встрёпанная Лидочка в косо застёгнутом полушубке, а за её спиной высились две мужские фигуры, одна в форме полиции, вторая в штатском.

– Никак менты к нам пожаловали? – сказала я с удивлением.

– Менты?

– Жаргонное название полицейских, местной стражи. Придётся открыть...

Мысленно порадовавшись тому, что к завтраку натянула джинсы и свитер, а не осталась в халате, я нажала клавишу, отворяющую калитку, вышла в прихожую и распахнула дверь.

Лидия Николаевна затормозила у порога с немалым удивлением.

– Катерина Михайловна?

– А ты кого ожидала здесь увидеть? – я вздёрнула бровь.

Кажется, это нехитрое действие больше, чем какие-нибудь документы, убедило соседку в моей несомненной реальности. Она, словно замороженная, шагнула через порог и осела на лавку. Следом за Лидочкой вошли оба мужчины, и в прихожей стало до невозможности тесно.

Я повернулась к ним:

– С кем имею честь?..

– Лейтенант Сорокин, – козырнул тот, что был в форменном полушубке. – Участковый уполномоченный ваш.

– Майор Досталь, – представился второй. – Оперуполномоченный по особо важным делам Московского уголовного розыска.

– Документы предъявите? – я не спешила пригласить их в дом.

Передо мной развернули удостоверения, я сладко улыбнулась и, достав из кармана айфон, сфотографировала оба.

– Проходите, – чуть склонила голову.

– Ноги только вытрите! – неожиданно вскричала очухавшаяся Лидочка.

Участковый честно пошаркал подошвами о коврик, майор спрятал в углах рта улыбку и последовал его примеру.

На кухне я села на своё место, жестом обозначив для незваных гостей стулья напротив. Принцесса сидела всё над той же чашкой чая и терзала на тарелке кусочек сыра.

– Итак, чем обязана? – повторила я вопрос.

– А ваши документы можно попросить?

– Можно, – кивнула я. – Анни, будь добра, поднимись в мою спальню и достань из сумки паспорт.

Кивнув, девочка всё так же молча пошла к лестнице.

– Ваша дочь? – вежливо поинтересовался майор.

– Племянница. Двоюродная. Приехала погостить из Эстонии.

– Иностранная гражданка, значит?

– Да.

По лестнице Анндаранэ спускалась так, что мне примерещился на ней бальный наряд и сияние королевских драгоценностей, не меньше. Но девочка всего лишь несла в руках тёмно-бордовую книжечку моего паспорта и более синюю – своего. Протянув участковому обе, она светски улыбнулась и сказала:

– Мне показалось, вы захотите и мои документы увидеть.

Неловко поблагодарив, лейтенант Сорокин передал паспорта муровскому сыщику.

– И в третий раз я спрашиваю: чем обязаны, господа? Время раннее, – я перевела взгляд на часы, – ещё и десяти нет, я в отпуске... Мы только вчера вернулись из

поездки, даже чемоданы разобрать не успели.

– Вот в этом-то и вопрос, госпожа Каретникова! – майор аккуратно положил паспортные книжечки на стол. – Вчера около полуночи на МКАДе, километров за десять до поворота сюда, случилась серьёзная авария. Столкнулось пять автомобилей, четверо пострадавших в серьёзном состоянии в больницах, и двое погибших. Опознать их удалось не сразу...

Мы с Анндаранэ переглянулись и синхронно пожали плечами.

– Мы вышли из здания аэропорта в начале первого, – сказала я. – То есть, около полуночи проходили паспортный контроль. На их печатях в паспортах, конечно, не стоит время пересечения границы, но я уверена, что в компьютерах погранслужбы оно есть. Так что не вполне понимаю, какие вопросы к нам?

– А из аэропорта вы как добирались?

– На такси, – вздохнула я. – Заказала вот тут.

И покрутила перед ним айфоном.

– Катечка, они мне сказали, что это ты погибла! – влезла совсем уже пришедшая в себя соседка.

– Да ладно? – мне стало смешно, потом взяла жуткая злость. – А я кто? Лжедимитрий? Как вы опознавали погибших? Знаете что, если вы вызывали туда Лидию Николаевну, я вас по судам затаскаю!

– Видите ли, Екатерина Михайловна... – майор замялся. – Опознавать там особо не вышло бы. Тела очень обгорели...

– Так какого... – я проглотила бранное слово. – Какого лешего вы через несколько часов припёрлись сюда беспокоить моих соседей и меня?

– Были найдены два тела, женщины и подростка женского пола, – он покосился на безмолвную Анндаранэ. – Опознать по отпечаткам или по лицу не представлялось возможным, но проверили ДНК... Ну, честно говоря, наш эксперт

получил новый прибор для экспресс-диагностики, и не утерпел, проверил. А вы сдавали пробу ДНК некоторое время назад...

Тут мне стало нехорошо.

Я и в самом деле не так давно сдавала эту пробу... ну, была необходимость, не хочу вспоминать. И если совпало...

– Вы хотите сказать, что?.. – у меня перехватило горло.

– Я хочу сказать, что этот анализ показал полное, стопроцентное совпадение. Я приехал по установленному адресу, лейтенант сообщил, что в вашем доме убирается соседка, и ключи у неё есть...

– А я и вспомнила, Катенька, что ночью-то свет у тебя видела, – и Лидочка зажала рот рукой.

– Ну, вот что можно вам на всё это ответить? – Я пожала плечами. – Либо прибор ошибся – неоткалиброван, инструкция была на китайском, не знаю... Либо ошиблась современная генетика, и в мире существуют люди с дублирующейся ДНК. Кстати, а шофёр?

– Какой шофёр?

– Водитель такси, сгоревшей машины, он-то куда делся?

– Неизвестно, – с глубоким удовлетворением сообщил майор, и тут я поняла, что выдача неприятностей еще не закончена. – Такси ехало по МКАДу в крайнем левом ряду явно со слишком высокой скоростью, как говорят очевидцы – не менее ста пятидесяти, а то и больше. Потом стало резко перестраиваться правее, там было несколько машин, ну, вот оно их в кучу и собрало. Пробило ограждение, перевернулось и загорелось. Никто не выпрыгивал, да это и невозможно было. Никто не убегал. А в обгоревшем автомобиле обнаружили только два тела.

Я развела руками:

– Ну, уж простите, что мы вам портим статистику. Но мы с Анной живы и относительно здоровы, и готовы доказать это любым доступным способом... в удобное нам время.

Тут я взглянула на принцессу: губы её сжались так плотно, что пропихнуть хоть словечко сквозь эту бледную полоску не смог бы никто. «Надо попросить незваных гостей на выход...» – мелькнула было мысль, но майор уже и сам поднялся, коротко глянул на участкового – тот тоже поднялся, – и сказал:

– Могу я просить вас, госпожа Каретникова, пока никуда не уезжать из Москвы?

– Просить – можете, – майор мне сейчас ужасно мешал, надо было поговорить с Анндаранэ. – Обещать не буду, мало ли что, у меня работа такая: вызвали – и полетела на катастрофу.

– У вас отпуск.

– А вас из отпуска ни разу в жизни не отзывали? – удивилась я. – Надо же, какой высокий гуманизм! Короче, смогу – буду дома, нет – оставлю информацию. Где, кстати, оставлять, на соседнем столбе объявление вешать?

– Ну, зачем же! – на стол легла визитка.

– И в течение какого времени это... ограничение должно действовать?

– Никаких ограничений, просьба!

– Просьба – на день, три, пять? Пожизненная?

– Рад бы, – развёл руками майор, – но я женат.

– Идите уже! – Я с досадой махнула рукой. – Мне ещё племянницу домой отвозить, каникулы не навечно.

Наконец полицейские выкатились.

Лидочка ушла за ними, говоря что-то о некормленных курах и обещая вернуться. Когда входная дверь хлопнула, и валенки соседки проскрипели по дорожке до калитки, я развернулась к принцессе всем телом:

– Ну? И кто нас выследил?

– А может, и никто... – задумчиво сказала она, постукивая пальцами по нижней губе. – Пока непонятно...

– Что-то чем дальше, тем меньше понятного! – ответила я с досадой. – Ладно, предположим, эксперты ошиблись, и ДНК с моей не совпадает...

– Думаю, что как раз эксперты были совершенно правы. Вопрос в другом, – Анндаранэ посмотрела мне в глаза. – Если образец твоей ДНК попал к ним в руки, значит, у них есть кто-то свой в твоей клинике.

Я потрясла головой. Примерно сотня вопросов крутилась в голове, я поймала за хвост один из них, пусть и не самый важный:

– Они – это кто?

Принцесса отвела взгляд.

– Это долгий разговор.

– Всё время этого мира в нашем распоряжении, – я поплотнее уселась на стул. – Давай. Начни с самого начала, перейди к середине, а дальше поглядим.

– С начала... Ну, ты же не думаешь, что возможность посещения других миров используется только для, так сказать, туризма?

– Видимо, нет. Я бы такую золотую жилу использовала на все сто.

– Вот именно. У нас есть организация, которая изучает ваши... достижения и находит им применение с поправкой на магическую природу мира. Ну, вот та же самая генетика – усиление наследственных линий, например. Причём не только в смысле внешнего сходства между отцом и сыном, это важно, но не главное.

Самое главное – наследственная передача магических способностей и возможность их усиления или блокировки.

– Блокировки?

– Магия крови запрещена законодательно. Магия разума...

– погоди! Магия разума – это я могу понять, что-то вроде гипноза, но мгновенно и полностью – страшно, да. Полагаться лишь на моральные качества обладателя таких способностей... А магия крови чем плоха?

– Понимаешь, старая градация видов магии не всегда точна, – Анндаранэ потёрла лоб. – Маги крови получают силу благодаря особым ритуалам. Чем больше пролито крови, тем сильнее ритуал. Чем мучительнее смерть донора...

– Понятно. То есть, возвращаясь к достижениям науки, ваши учёные могли воспользоваться полученными – сворованными! – данными моего генетического анализа и... и что? Кого сожгли в машине?

– Никого. Пустышку, манекен из плоти и крови, которому придали определённые характеристики.

– Уже хорошо, – всё равно жутко было представить, что у обгоревшего тела моя кровь. – Тогда зачем?

– Вот этого я и не могу понять...

Я встала и прошлась по кухне, машинально налила чайник и поставила на плиту. Потом взглянула на часы: вообще-то уже и обедать пора, а еды особо никакой нету. Повернулась к Анндаранэ:

– Давай поиграем!

– Что? – глаза её распахнулись от неожиданности, огромные голубые озёра.

– Вот, держи! – на стол легли лист бумаги и ручка. – Представь себе, что завтра мы отправляемся в Лантар, в неизвестность. Что ты берёшь с собой?

– Отталкиваясь от реальности? Или, к примеру, можно посчитать десяток огранённых сапфиров для изготовления амулетов?

– Пиши всё, – с улыбкой посоветовала я. – А реальность внесёт свои коррективы.

Глава 5

Невнимательно слушая то, что говорил мне почти на ухо герет-лоэ Адальберт ап'Дерен Ковали, я разглядывала живописную группу возле трона. Ну, то есть, тронем это сооружение никто не называл, именовали «кресло Высокого», но в моём сознании сочетание малинового плюша, позолоченных ножек и возвышения в три ступеньки определённо тянуло на сиденье для королевского зада.

В описанном кресле в данный момент разместилась Анндаранэ. Склонив голову, она слушала то, что говорил ей стоящий за креслом справа министр иностранных дел – в местном именовании глава департамента отношений с братскими странами, примерно так я это себе перевела.

Странное дело, я неплохо уже понимала язык Лантара даже и без магического переводчика, и местная публика охотно прощала мне неминуемые ошибки, оговорки и филологические казусы. Но некоторые понятия категорически отказывались слетать с языка без двойного перевода: сперва с лантарского на русский, чтобы сообразить, кто есть кто, а потом обратно – чтобы сформулировать мысль для собеседника. Амулет я таскала с собой, но надевала и активировала только тогда, когда мозги уже совсем заплетались...

В общем, я надеюсь, гипотетические читатели этих мемуаров простят, если иной раз я буду называть кошку кошкой, а не царственной полосатой мурлыкой, дарящей своей милостью сына неба.

Помимо общения с министром иностранных дел, принцесса читала подкладываемые ей документы, и читала внимательно: какие-то подписывала, какие-то отодвигала и указывала на что-то в тексте, видимо, требуя переделать.

– Геретэ-лоэ ап’Каретников, – прошуршало у меня над ухом. – Кирэ ап’Векламиан Дарго просит вас подойти к ней.

Я повернулась к старичку, только что перешедшему к изложению по третьему разу своих взглядов на современную лантарскую педиатрию, и дружелюбно оскалилась:

– Прошу меня простить, герет-лоэ ап’Дерен Ковали, но долг зовёт!

– Конечно, конечно, моя дорогая, идите! – он похлопал меня пухлой ладошкой по плечу и развернулся в поисках новой жертвы.

Вообще-то его рассуждения были мне чрезвычайно интересны.

Я пробыла в Лантаре чуть меньше двух недель, и все эти дни были до отказа заполнены. Здешние маги-медики обучали меня пользоваться магическими методами обследования и лечения и тут же предлагали пациента. Главная городская травница готовила вместе со мной препараты и немедленно давала возможность их применить. А в артефактора, который руководил в здешней гильдии разработкой и изготовлением амулетов и артефактов для медицины, я просто влюбилась, до того понравилось мне с ним работать!

Конечно, немаловажно было то, что всё вышеперечисленное у меня получалось. Ни один томограф не давал так разглядеть позвоночную грыжу или сломанную кость, как магия! Вот ей-богу, у меня было ощущение, что все предыдущие годы работы на моих глазах болталась полупрозрачная повязка, и с каждым пациентом я, приспособливаясь, поворачиваясь то так, то эдак, пыталась разглядеть суть его болезни. А теперь эту повязку сдёрнули, да ещё и яркий свет включили: смотри, оценивай, излечивай!

Увы, обнаруженная у меня способность к магии жизни не давала мгновенно срastить перелом или залечить повреждённые сосуды, что бы ни говорили об этом в романах фэнтези. Но увидеть причину, ускорить выздоровление, уничтожить начинающееся воспаление или зловердного вируса – да, тысячу раз да!

И я была почти счастлива...

Почти – потому что в королевстве датском, то есть лантарском, вовсе не было спокойно...

После того самого визита полицейских прошло часа четыре. Анндаранэ написала список, и мы пообсуждали его, как-то вяло, без энтузиазма. Пришла Лидочка с тысячей вопросов и кастрюлей тыквенного супа. На вопросы я лишь развела руками, суп мы съели, и, пока принцесса мыла тарелки, я отправилась в погреб за очередной банкой варенья. Вот интересно, кстати, куда разошлось предыдущее?

А когда я вернулась в кухню, Анни спускалась со второго этажа, бледная, с закушенной губой. В руках у неё был большой конверт с красной сургучной печатью и надписью на непонятном мне языке. И с этого момента события пустились вскачь, переворачиваясь через голову...

Анндаранэ вскрыла конверт, подняла на меня взгляд и сказала сдавленно:

– Мне надо срочно возвращаться. Родители... это письмо от адана-лоэ ап'Бертион Дарго, он пишет, что они отправляются в паломничество, а я должна принять на себя управление страной. Это было в моём почтовом ящике...

Я села, где стояла, слов у меня не было. Управление страной?
Четырнадцатилетней соплюшке? Паломничество?

Они охренели?

Тут я выцепила из потока собственных мыслей одну, оформленную относительно цензурно, и спросила:

– Что за паломничество, и почему так срочно?

Принцесса потупилась:

– Есть такой... ну, скажем, оракул... и любой из представителей семьи может задать ему вопрос.

– Представитель семьи, то есть папа, мама и ты? Или в широком смысле, носитель крови ап'Векламиан Дарго?

– В широком смысле. И иногда этот оракул говорит, что для решения проблемы представители старшей ветви семьи должны отправиться в паломничество на родовые земли. Это было, – она зажмурилась и загнула пальцы, – ну, да, четыре раза было на протяжении правления нашего рода.

– То есть, за восемьсот лет?

– Да.

– Тогда я не понимаю, в чем проблема? Даже если на ваших родовых землях не существует порталов...

– Проблема в том, что прошлый раз такое паломничество совершалось внутри одного государства, Лантар Икселер. Но двести пятнадцать лет назад, при моём прадеде, герцогство Икселер... отложилось. И там сейчас... в общем, там закрытые земли, – и тут храбрая принцесса всхлипнула.

«Фигня какая, закрытые земли, – думала я, глядя её макушку и чувствуя, как промокает джемпер на плече. – Теперь ещё скажите мне, что открыть их может только некий Избранный, в награду принцесса за него должна будет выйти замуж... и получится классическая дамская фентезятина, мыльная опера с эльфийскими принцами. Добавить только вампиров и демонов...»

Наконец Анндаранэ всхлипнула в последний раз, оторвалась от моего плеча и потащила из кармана джинсов платок.

– Я пошла собираться, – сумрачно сказала она. – Там... в гостевом доме меня будут ждать. Мама, папа и... не знаю кто, наверное, адан-лоэ Герард ап'Тренс Ковали. Я не могу опоздать...

– Понятно, – ответила я по возможности легкомысленным тоном. – Я тебя провожу?

– Только до точки перехода. И вот что, дорогая тётушка, если тебя тут совсем достанут, пожалуйста, приходи, – голос её дрогнул. – Что бы ни происходило вокруг, я буду ужасно рада тебя видеть!

Через два часа я приложила ладонь к замку и прошептала заклинание. Дверь дрогнула, качнулась под ладонью, и мне под ноги бросило горсть красных и золотых листьев. Темнота за порогом пахла осенью, цветами и яблоками, впереди горели два окна в тёмном квадрате дома. Анндаранэ шагнула вперёд и пошла по вымощенной каменными плитками дорожке. Я постояла на границе между реальностями, увидела, как к ней бросились две высоких фигуры, видные силуэтами на фоне светлого окна, обняли и повели в дом. Снова вдохнув напоенный ароматами воздух, я сделала шаг назад и захлопнула дверь, потом прислонилась к стене и сползла по ней, засунув в рот костяшки пальцев.

Глава 6

У кого-то наверняка может возникнуть вопрос, почему в конечном итоге я оказалась в Лантаре, и что здесь делаю? Ведь даже если считать на пальцах и суммировать всё положенное, мой отпуск закончился почти две недели назад, и с данную минуту я должна была бы размыться после операции, заполнять пробелы в истории болезни или собачиться с менеджером по поводу очередного платного пациента. О, нет, пардон! Семь вечера, в такое время ни один из этих высокооплачиваемых сотрудников в отделении не остаётся...

Да, так как же – закончившийся отпуск и прочее?

Всё просто, как огурец: меня уволили.

Ну, опять-таки понятно, что уволить заведующего отделением, успешного и известного хирурга, обросшего связями как собака шерстью, не так-то просто, надо подвести под это действие достойную базу. Моего месячного отсутствия, как оказалось, хватило на это с избытком, и в первый же день, когда я появилась в отделении, меня вызвал заместитель главного врача.

– Как отдохнули, Екатерина Михайловна? – начал он, улыбаясь.

– Превосходно, благодарю вас.

– Где были?

– По-разному, Кирилл Николаевич, по-разному. У вас какой-то вопрос по работе отделения?

Вот тут-то и выяснилось, что вопросов масса, и главный из них – жалоба, написанная на меня недовольным пациентом. Точнее, его родственниками. Не первая жалоба в моей врачебной жизни, и я бы пережила её точно так же, как и все предыдущие: доказав комиссии, что выбранное лечение полностью соответствовало показаниям.

Делов-то!

Но если тебя хотят съесть, то и такая жалоба сгодится в качестве маринада...

Короче говоря, мне было предложено написать заявление на длительный отпуск без сохранения содержания с уточнением, что использован он будет для научной работы. На это я только хмыкнула: докторская давно защищена, а академиком мне не стать, научную работу я и так веду постоянно, не беря для этого никаких свободных дней...

– И потом, Екатерина Михайловна, – с некоторой интимностью шепнул замглавного, придерживая меня возле двери за локоток, – у вас какие-то трения с полицией, насколько меня известили? Лучше будет, если вы займётесь этим... в личное время.

– Непременно, Кирилл Николаевич, – сладко улыбнулась я. – У меня как раз образовалась полная подборка счетов по платным услугам в... э-э-э... в хирургическом отделении. Думаю, полицию она заинтересует.

Слова «наше отделение» с языка слетать не захотели.

Итак, к вечеру понедельника, четвёртого февраля, я могла считать себя абсолютно свободной от любых обязательств.

И тут выяснилось, что эта самая свобода от обязательств вовсе не такое уж счастье...

Да, когда ждёшь отпуска, считаешь дни, зачеркивая их в календаре, пишешь списки, что взять с собой, когда в последний рабочий день с наслаждением отключаешь в айфоне функцию «будильник» – о, да, вот в эти моменты грядущее «dolce far niente»[1 - Сладкое ничегонеделание (итал.).] представляется блаженством.

Признаться, я уверена была, что новая работа найдёт меня очень быстро. В конце концов, я почти тридцать лет в профессии, у меня куча печатных работ, ученики, аспиранты, докторанты и прочие. Да ведь есть ещё и то, что называется «лёгкая рука» в работе оперирующего хирурга, хоть это понятие и не измеряется в амперах или метрах, но очень, очень важно.

Но телефон молчал, и в электронной почте копилась пустая реклама.

На третий день я поняла, что обрадовалась бы даже визиту майора Достая и несколько напряглась. Настолько, что извлекла из ящика стола записи по магическим упражнениям и повторила всё, что оставила мне Анндаранэ – «ветерок», замораживание воды в ведре, нагревание той же воды до кипения, проращивание зерна... И когда между моих ладоней развернулся упругий ярко-зелёный росток, почувствовала, как уходит из души непонятная мутная досада.

Это всё ещё я, и знания остались со мной.

Я могу.

Я умею.

А вечером на скамейке у двери в погреб обнаружился конверт, правда, печать на нём была всего лишь зелёной, да и надпись по-русски. Письмо же, написанное на двух языках каллиграфическим почерком, в изящнейших выражениях приглашало госпожу профессора Каретникову (геретэ-лоэ ап Каретников, в ступоре прочла я) провести серию консультаций в главном госпитале страны... ну, и так далее. Привычно, традиционно, даже уютно. Всего лишь – приглашение иноземному профессору от коллег и немножко от правительства страны.

Собрала вещи, предупредила Лидочку, что уезжаю на несколько недель, и в назначенное время открыла дверь. За порогом царила золотая осень...

Там, в Лантаре, был ясный день, и я прекрасно видела и небольшой деревянный дом, где совсем недавно принцессу ждали её родители, и сад вокруг, обыкновенные яблони, увешанные красными плодами. Словно и не в другой мир шагнула, а просто вернулась на четыре месяца назад, в подмосковную золотую осень.

На ступеньках дома виднелась высокая мужская фигура в тёмном плаще с капюшоном, и вот это уже никак в подмосковные реалии бы не вписалось.

Мужчина пошел мне навстречу:

– Геретэ-лоэ ап’Каретников? Рад видеть вас. Кирэ Анндаранэ просила меня вас встретить. Мое имя – Герард ап’Тренс Ковали, я маг семьи Высокого правителя.

– Приятно познакомиться, адан-лоэ ап’Тренс Ковали, – я говорила медленно, старательно подбирая слова. Но зато говорила сама, без магического переводчика!

Дворцовый маг немедленно это заметил и встревожился:

– Ваш амулет разрядился?

– О, нет! – рассмеялась я. – Просто лучший способ изучить язык – говорить на нём.

– Вы совершенно правы, геретэ-лоэ, – кивнул мой собеседник. – Итак, кирэ Анндаранэ ждёт вас. Для скорости мы с вами отправимся в дом Высокого правителя порталом, но потом у вас будет возможность увидеть нашу страну, и поверьте, вы не будете разочарованы!

– Не сомневаюсь.

– Отлично! Если у вас нет больше вопросов, то...

Он повернул на пальце кольцо с большим дымчато-лиловым камнем, и в воздухе перед нами возникла точка, светящаяся синим. Довольно быстро эта точка стала расширяться, превращаясь в кольцо, которое будто бы негромко шипело и плевалось голубыми искрами, точно бенгальские огни. А за кольцом, словно за распахнутой дверью в неведомое, видна была обычная комната...

Вопросов у меня было ещё примерно миллион, но я решила, что будет ещё время их задать и, мгновение помедлив, шагнула в портал.

Анндаранэ и в самом деле меня ждала, даже бросилась мне на шею. Маг деликатно вышел из комнаты, и девочка позволила себе всхлипнуть.

– Ох, Катерина, – сказала она, шмыгнув носом. – Как же я рада тебя видеть!

– Давай сядем, и рассказывай, – предложила я, осматриваясь в поисках стульев, кресел или хоть чего-нибудь, на чём можно уместить сидалище. Но помещение было пусто. То есть вообще – не то, что мебели, даже окон с занавесками не оказалось. Лишь в полу тускло поблескивал чёрный полированный каменный круг.

– Сейчас не получится, – покачала головой принцесса. – У меня через десять минут заседание государственного совета, и, если я опоздаю, эти старцы будут воспитывать меня вместо того, чтобы дела обсуждать. Но вечером... вечером поговорим.

– Общая картина какова?

– Состояние тяжёлое, но не безнадёжное! – успела ответить девочка, уходя по коридору следом за секретарём.

Меня же дожидалась у двери портальной комнаты молоденькая горничная в голубом платье чуть ниже колен и белом фартучке. Присев в книксене, она сказала:

– Разрешите, я провожу вас в ваши апартаменты, геретэ-лоэ? Я ваша горничная, меня зовут Настэ.

– Да, спасибо... А... мои вещи? – вспомнила я о сумке.

– Уже там, геретэ-лоэ. Я позволила себе их разобрать и разложить в шкафу, а инструменты оставила на письменном столе в кабинете.

Тараторя всё это, она провела меня по лестнице двумя этажами выше. Здесь, как я предположила, располагались гостевые комнаты. Спросила у Настэ, так ли это – горничная даже остановилась, вытаращившись на меня.

– Нет, что вы! Это крыло семьи Высокого правителя! Вот комнаты кирэ Анндаранэ, – она показала высокую белую дверь справа, – а вот ваши.

Такая же дверь, только дверная ручка в форме кленового листа, а у принцессы – какой-то цветок.

Настэ приложила ладонь к тому месту, где должен бы был разместиться замок, и прошептала уже знакомое мне заклинание. Что-то щёлкнуло внутри дверного полотна, девушка с улыбкой потянула золочёный кленовый лист, и я вошла в свои апартаменты.

Ну, что сказать... слово это, «апартаменты», удивительно здесь подходило.

Большая комната с камином, креслами возле него и диваном в стороне – видимо, гостиная. Стены отделаны светлой тканью, на мраморной каминной полке какие-то вазы, над диваном картина в золочёной раме, большое окно выходит в сад. Мило. Справа и слева двери...

Я вопросительно взглянула на горничную, и та тут же пояснила:

– Там спальня и гардеробная, ну и ванная, конечно. Здесь, – кивок влево, – кабинет и ещё одна комната, вы сможете сами её обставить, когда решите, что именно хотите там сделать.

– Например? – заинтересовалась я.

– Ну-у... ну, например, у адан-лоэ ап'Тренс-Ковали комната для медитаций. У главы охраны – оружейная... Кому что нужно!

– Ладно, – кивнула я. – Тогда, пожалуй, я бы хотела немного отдохнуть...

– Конечно, геретэ-лоэ. Если я вам понадобится, просто коснитесь синего шнура, – она показала на плетёную верёвку возле окна. – Такие же есть во всех комнатах, я услышу и сразу прибегу. Кирэ Анндаранэ предположила, что вы захотите перекусить, так что я сейчас принесу вам чай или кофе, что желаете?

– Чай, пожалуйста.

Настэ упорхнула, а я, всё ещё в некоей прострации, прошлась по всем комнатам – бледно-зелёной спальне, голубой гардеробной, золотисто-коричневому кабинету и, вернувшись в гостиную, уставилась в окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сладкое ничегонеделание (итал.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/dashevskaya_anna/vse-chto-menya-ne-ubilo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)